

Серия
«Антология мысли»

И. М. Кулишер

Очерк истории
русской
промышленности

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 330.8
ББК 65.03
К90

Автор:

Кулишер Иосиф Михайлович (1878—1933) — экономист, профессор Петроградского университета.

Кулишер, И. М.

К90 Очерк истории русской промышленности / И. М. Кулишер. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 143 с. — (Серия : Антология мысли).

ISBN 978-5-534-07075-0

В издании опубликована работа экономиста-историка с мировым именем И. М. Кулишера, посвященная истории русской промышленности России с древнейших времен до начала XX столетия. Автор анализирует и исследует такие явления, как характер хозяйства в Древней Руси, промышленность в городах, городское ремесло, централизованные мануфактуры и др.

Для всех интересующихся историей развития промышленности в России, а также для широкого круга читателей.

УДК 330.8
ББК 65.03

Оглавление

Глава 1. Общий характер хозяйства в Древней Руси.....	6
Глава 2. Обработывающая промышленность в древний период.....	12
Глава 3. Промышленность в городах XVI ст.	24
Глава 4. Городское ремесло в XVII ст., преимущественно в Москве.....	33
Глава 5. Союзное начало в русских промыслах до Петра Великого и созданные Петром цехи	43
Глава 6. Цехи западной и южной России в XVI— XVIII ст. и ремесленное положение Екатерины II.....	51
Глава 7. Иностранцы и зачатки новой крупной промышленности в XVII ст.	66
Глава 8. Крупная промышленность при Петре Великом.....	82
Глава 9. Крупная промышленность после Петра (при ближайших его преемниках и Екатерине II)	101
Глава 10. Кустарная промышленность в XVII и XVIII ст.....	113
Глава 11. Централизованные мануфактуры в XVIII ст...	122
Глава 12. Запад и Россия. Положение русской промышленности к концу XVIII ст.	133
Новые издания по дисциплине «Экономическая история» и смежным дисциплинам	142

Глава 1

Общий характер хозяйства в Древней Руси

От охоты к скотоводству, от скотоводства к земледелию. Так изображали до недавнего времени первые этапы в хозяйственном развитии человечества, в истории цивилизации вообще. Более близкий анализ периодов экономической эволюции показал следующее. Охота могла быть преобладающим занятием населения в первую эпоху. Борьба как с другими людьми, с соседними племенами, так и с животными составляла первоначальную деятельность человека. Зубы и челюсти уже доисторического человека были в равной мере приспособлены как для растительной, так и для животной пищи. Она состояла, очевидно, из дикорастущих ягод и плодов и из мяса убитых зверей. Наконец, понятие мяса и понятие пищи на многих языках совпадают — мясо принадлежит к древнейшей пище.

Но дальше периодизация уже не идет столь же гладко. Она обрывается, так что, в сущности, никакого перехода от одного периода к другому не получается. Именно, если исходить из охотничьего образа жизни в качестве первой стадии, вторая в виде скотоводства уже оказывается невыполнимой. Охотник — враг животных, он их ловит и уничтожает. Пастух — друг их, который их бережет и охраняет. Мыслим ли столь резкий переход в общественной психике, такое превращение охотника в пастуха? И не следует ли, напротив, предположить, что народы-охотники не стали скотоводами, а скотоводы-кочевники никогда не были охотниками?

Выяснилось далее, что земледелие отнюдь не составляет высшей ступени по сравнению со скотоводством. Те исходные точки, на которых было построено это предположение, не подтвердились. Земледелие вовсе не являлось по необходимости оседлым в противоположность кочевому, и поэтому более первобытному, скотоводству. Обнаружились факты широкого распространения кочевого земледелия в наиболее раннюю эпоху и значительной подвижности земледельцев и в последующие периоды. Далее, лишь высшая форма земледелия, производимая при помощи плуга и скота, предполагает предварительное распространение скотоводства. Но земледелие появляется уже в самые ранние времена — одновременно с охотой — в виде разрывания почвы при помощи крючковатой палки, лопаты или мотыги. От выкапывания из земли ягод и плодов совершается непосредственный переход к закапыванию их в землю. Первоначально это делалось для сохранения;

позже, когда забытые в земле плоды стали сами выдвигаться наружу, обращать на себя внимание тем, что они давали ростки, разрыхление почвы и помещение в них зерен стало производиться уже намеренно, для получения плодов.

Таким образом, вся последовательность в развитии периодов хозяйственной жизни оказалась подорванной. Опыт показал, что есть народы, которые одновременно с охотой занимаются и земледелием в ранней форме его и затем становятся народами земледельческими, никогда не знавшими скотоводства, как это было с племенами Америки и Австралии, — скотоводство у них позднего, европейского происхождения. С другой стороны, кочевники Средней Азии наряду со слабым развитием земледелия всегда занимались усердным разведением скота. В Западной Европе скотоводство всегда играло существенную роль, но одновременно с ним уже рано появилось и постепенно вытеснило его земледелие.

Как обстояло дело со славянскими племенами, населявшими восточную равнину? Исследователи (Ключевский, Милуков, Довнар-Запольский, Рожков, Катаев) на первое место выдвигают звероловство и бортничество (пчеловодство) в качестве наиболее ранних промыслов. «Восточные славяне заняли преимущественно лесную полосу равнины... Началась усиленная эксплуатация леса, продолжавшаяся целые века и положившая глубокий отпечаток на хозяйственный и общественный быт и даже национальный характер русского народа. Лесной зверолов и бортник — самый ранний тип, явственно обозначившийся в истории русского народного хозяйства»¹. Эта разработка естественных богатств находилась в связи с торговым движением — меха, мед, воск являлись главными статьями русского вывоза, питая то торговое движение, которое шло по Днепру, по этой «столбовой торговой дороге для западной полосы равнины».

Характерно сообщение начальной летописи: «Древляне живяху звериньским образом... ядыху вся нечисто... И Радимичи и Вятичи и Север один обычай имаху: живяху в лесе, якоже всякий зверь»². Не менее яркая картина получается, если иметь в виду, что «Владимир Мономах, этот живой идеал древнерусского князя, в своем знаменитом “Поучении” наряду с военными подвигами и делами управления ставит свою охотничью удаль и охотничьи удачи и упоминает о ловчих, соколах и ястребах как важной статье княжеского хозяйства»³. «Тура мя два метала, — рассказывает Мономах, — на розех с конем, олень мя один бол, а два лоси — один ногами топтал, а другой рогами бил, вепрь ми на бедре мечь отнял, медведь мя у колена подклада укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и конь со мною поверже». Из этого видно, что в лесах Черниговской области водились в XII ст. дикие быки,

¹ Ключевский. Курс русской истории. Т. I. С. 145.

² Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 9.

³ Рожков. Обзор русской истории. Т. 1. 2-е изд. С. 17.

олени, лоси, кабаны, волки и медведи, водились и дикие кони: «Конь диких своими руками связал есмь в пуштах 10 и 20 живых конь».

За ущерб, наносимый ловле пушных зверей («бобровым гонам»), соколиной и ястребиной охоте и пчелиным ульям (бортным ухожьям), «Русская Правда» налагает строгие наказания как в пользу собственника, так и в кассу князя («продажа»). «Аще кто украдет бобр, то 12 гривен продажи»¹ — столько же, сколько за убийство холопа. Та же сумма «оже межоу перетнеть бортную» (ст. 83), т. е. часть леса, предназначенную для пчеловодства, «оже борть подломить» (ст. 86), «оже пчелы ведереть» (ст. 87). «Аще кто оукрадет в чеем перевесе чии пес, или ястреб, или сокол, то 3 гривны продажи, а господину гривну» (ст. 93).

Еще в первой половине XIV ст. Михалон Литвин писал, что (в Западной Руси) «зверей такое множество в лесах, что дикие быки, дикие ослы и олени убиваются только ради кожи... на берегах водится множество бобров», масса и диких гусей, журавлей, лебедей².

Бобровые гоны, бортные ухожья, как и «рыбные езы» (рыбные ловитвы — ловли), принадлежали князьям, как и монастырям. В соглашениях с Новгородом князья выговаривали себе право посылать свои ватаги к Белому морю и Северному океану на Тверскую и Печерскую сторону за рыбою, зверьем и птицею («ходити трем ватагам моим на море»). В особенности монастыри предпочитали строить в местностях, изобилующих рыбой («место убо мало и кругло, но зело красно, всюду яко стеною окружено водами»), так как потребление мяса было запрещено. Потому-то князья считали своей обязанностью наделять их водами. Еще о Владимире св. говорится, что он пожаловал духовенству «земли, борти, озера, реки, волости со всеми прибытки».

Только к XVII ст. упоминания о поселениях бортников и бобровников становятся редкими, новые поселки этого рода в московском центре совсем перестают возникать. «Владельцы старых бобровых гонов, рыбных ловель и бортного леса расчищали теперь лес под пашню, ставили починки, и старые зоолого-экономические поселения превращались в «пашенные села»... В середине XVI века юг Киевской губернии, вся Полтавская, почти вся Курская и Воронежская представляют такую полосу бобровых гонов, рыбных и звериных ловель... к середине XVII века эти местности уже заселены земледельческим населением»³.

В центре этот переход к земледелию совершился, по-видимому, уже несколько раньше, в течение XVI ст. «Куда бы мы ни взглянули, — обратились ли бы мы к так называемым Писцовым книгам... или к разнообразным поземельным актам... отовсюду мы вынесли бы впечатление, что пахотная земля являлась главной статьей хозяйства в то время, что она доставляла наибольший доход, что хлеб и другие продукты земледелия составляли основную часть всех доходов с земли, что прочие угодыя

¹ Русская Правда. Карамзинский список. Ст. 81.

² Аристов. Промышленность Древней Руси. С. 6.

³ Миллюков. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. 6-е изд. С. 72—73.

представляли собой только дополнение, привесок к пашне. Характерно, например, что при продаже и залоге имения цена его определялась сообразно размерам пашни — только»¹.

Таким образом, добывающие промыслы — охота, пчеловодство, рыбная ловля — лишь постепенно уступили место обработке земли. Славяне земледельцами первоначально не были. Это не значит, что они не возделывали землю. В древлянских курганах, относящихся к X ст., найдены экземпляры серпов и обугленные зерна хлебных растений. Ольга говорит древлянам (946 г.): «Все гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делают нивы своя, а вы хотите измерети голодом»². Под 997 г. читаем слова старца в Белгороде, осажденном печенегами: «Сберете аче и по горсти овса, или пшенице, ли отрубей»³.

Так что земледелие было известно славянам уже в древнейшие времена, и весьма возможно, что «очага земледельческой славянской культуры мы должны искать на юге — скорее всего, на Украине, близко к степи, далеко от холодящих воздух лесов и болот севера»⁴. Но из этого, с другой стороны, еще нельзя делать вывода, что «основой древнеславянского хозяйства было земледелие», хотя бы даже ручное. Именно основой оно, по всей видимости, не было. Ибо «существование земледелия и его господство не одно и то же».

Лишь постепенно крестьянин со своими нехитрыми орудиями — топором, косою, сохой — пробирался по лесам, расчищая почву, выжигая кустарник, завоевывая непроходимые пространства. В XII ст. он уже пашет в Киевской области сохой на лошади: «Оже на весну начнет смерд тот орати лошадью тою, и приехав половчин... поймет лошадь». Не раньше XI—XII ст. Ключевский находит и признаки частной собственности на землю — эксплуатацию земли, при которой сажалась челядь на землю, появление боярской вотчины.

Наиболее медленно и наиболее поздно пашня распространилась на великорусском севере, в верхневолжской Руси, где поселенец лишь с трудом среди моря лесов и болот отыскивал сухие островки и принимался за выжигание леса, выкорчевыванье пней, подъем целины. Крестьянин пахал не много, несмотря на обилие незанятой земли, не свыше необходимой потребности, слишком трудна была работа. Притом «тамошние приемы обработки земли сообщали подвижной, неусидчивый, кочевой характер этому хлебопашеству. Выжигая лес на нови, крестьянин сообщал суглинку усиленное плодородие... Но то было насильственное и скоропреходящее плодородие». Вскоре почва совершенно истощалась, и крестьянин должен был покидать ее на продолжительный отдых, запускать перелог. Тогда он переносил

¹ Рожков. Народное хозяйство России в XVI в. // Книга для чтений по истории нового времени. Т. I. С. 388.

² Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 32.

³ Там же. С. 87.

⁴ Покровский. Очерк истории русской культуры. Т. 1. 2-е изд. С. 45.

свой двор на другое, часто отдаленное место, поднимал другую новь, ставил новый «починок на лесе». Так, эксплуатируя землю, великорусский крестьянин передвигался с места на место и все в одну сторону, по направлению на северо-восток, пока не дошел до естественных границ русской равнины, до Урала и Белого моря¹.

Русское народное хозяйство принадлежит, таким образом, как будто к числу тех немногих, которые развивались по схеме, когда-то считавшейся общеобязательной, якобы существовавшей у всех народов. Но это так кажется только на первый взгляд. Между звероловством и рыбными промыслами, с одной стороны, и земледелием, с другой, по этой схеме должно еще стоять скотоводство. Только за кочевым скотоводством следует оседлое земледелие. Но именно на Руси, независимо от продолжительного господства подвижной, переходящей с места на место пашни, мы этой промежуточной стадии разведения скота и потребления молочной пищи не находим.

В то время как древние германцы и галлы первоначально кормились своими стадами — их молоком, сыром и маслом, как и убиваемыми на охоте животными, и стада у них достигали крупных размеров, относительно Древней Руси этого, по-видимому, нельзя утверждать. Правы, кажется, те авторы, которые исходят из незначительного развития скотоводства у древних славян (Аристов, Покровский, отчасти Довнар-Запольский). Но если бы даже более справедливыми оказались взгляды тех, кто придает гораздо большее значение разведению скота в эту эпоху, то все же получилось бы лишь дополнение к звероловству и бортничеству, как и к зачаткам земледелия, но отнюдь не самостоятельный период преобладающего скотоводства в качестве основного средства пропитания.

В «Русской Правде» фигурирует много скота разного рода. «Аще кто оукрадет скот на поле, или овцы, или козы, или свиньи»². «А за кобылу 60 кун, а за вол гривна, а за корову 40 коун... а за свинью 5 коун, а за пороса ногата... а за жеребья 6 ногат, а за коровье млеко 6 ногат» (ст. 42); «коровье млеко» ценится высоко, так же как жеребец, очевидно, в силу своей редкости. Скот означает деньги, серебро, богатство, скотница — кладовая, где хранилось богатство. Но такая роль скота скорее более свидетельствует о редкости его, чем об обилии. Деньгами становится вовсе не то, что имеется в большом количестве в стране, а, скорее то, что получается в обмен с другими народами³.

Действительно, в древнейшую эпоху славяне получали скот прежде всего от изобиловавших скотом степных кочевников — от половцев, татар. Летопись многократно упоминает о захвате русскими князьями скота у половцев (в 1095, 1103, 1152, 1185, 1190, 1191, 1206 гг.): «Взяша скоты и овцы и коней и вельблуды и веже с добытком и с челядью».

¹ Ключевский. Курс русской истории. Т. I. С. 384.

² Русская Правда. Карамзинский список. Ст. 39.

³ Покровский. Очерк истории русской культуры. Т. I. С. 46 сл.

Таким путем князья могли создавать себе обширные стада, которыми ведали конюхи и овчары; тем более, что кони получались и венгерские (фари), и татарские («пятно ногойское»). Этому соответствует сообщение Константина Багрянородного, что у русских мало скота и они добывают коров, лошадей, овец у кочевых народов.

Глава 2

Обрабатывающая промышленность в древний период

Известный историк и археолог В. Б. Антонович указывает на то, что в славянских курганах уже древнейшей языческой эпохи мы находим наряду с предметами, свидетельствующими о занятии земледелием, скотоводством и рыбным промыслом, также разнообразные изделия обрабатывающей промышленности. Остатки тканей и пряслицы из красного шифера указывают на ткацкое производство, железные ножи, ключи и гвозди, как и найденный в одной из древлянских могил кузнечный молот, — на кузнечные работы; к гончарному промыслу относятся глиняные сосуды различных форм; к деревообделочному — деревянные ведра, окованные железными дужками. Там же находим плотнические работы в виде могильных срубов, надмогильных настроек. Оружие состоит из шлема, кольчуги, топора, копья, меча или сабли, лука и стрел с железными наконечниками. Наконец, встречается много украшений, в особенности из серебра, большей частью низкопробного, — серьги, браслеты, кольца, бусы, последние также из сердолика или стекла.

После принятия христианства «прежние украшения получают более изящную форму и появляются новые их формы, заимствованные из иноземного искусства, в большинстве случаев византийского или восточного. Вооружение остается прежнее, и типы его почти совсем не изменяются. То же самое можно сказать о промыслах и занятиях, хотя произведения их, сохраняя основной характер, совершенствуются... Сверх того являются многочисленные экземпляры предметов христианского культа» (кресты, тельники, иконы)¹.

Курганный инвентарь дает нам представление о жизни древних славян, о тех предметах, которыми пользовались они, преимущественно высшие классы, князья и их дружина. Но для выяснения условий производства в эту эпоху раскопок еще недостаточно. Прежде всего мы не знаем, были ли найденные в курганах предметы и какие именно из них туземного или же, наоборот, иностранного происхождения.

¹ Антонович. Черты быта русских славян по курганным раскопкам. Русская история. Под ред. Довнар-Запольского. Т. I. С. 132.

По поводу украшений указывалось на последнее обстоятельство. Восточное и в особенности византийское влияние настолько значительно, что возникает предположение, что эти предметы импортированы к славянам. Но и в других случаях вопрос этот остается во всяком случае открытым; с уверенностью утверждать, что те или другие предметы изготовлены на месте, можно лишь в отдельных случаях.

Но чего уже совсем мы не можем установить на основании курганных раскопок, это формы промышленности, существовавшей в это время. Если даже допустить, что те или другие предметы, встречающиеся в значительном количестве, производились самими местными людьми, например предположить, что гвозди, скобки, оковки ведер, топоры, ножи, щипцы, молотки изготовлялись собственными кузнецами, то совершенно недоказанным было бы утверждение, что они вырабатывались ремесленниками, т. е. на продажу. Одного лишь соображения, например, что «по свойству самой работы керамические изделия не могли быть предметом, удобным для производства в каждом отдельном хозяйстве» и, следовательно, поступали в хозяйство путем обмена, еще недостаточно для обоснования наличности производства для сбыта. У первобытных народов мы находим обжигание посуды, промысел весьма распространенный, сплошь и рядом в форме работы для надобностей собственного хозяйства, и лишь с течением времени часть посуды выносятся на местный рынок для продажи.

Достигнута ли была здесь уже эта ступень, мы не знаем. Если обилие черепков в том или другом районе указывает на присутствие горшечной мастерской, то о характере этой мастерской и форме промышленности оно свидетельствует столь же мало, как большое количество остатков других мастерских, обнаруженных в 1907—1909 гг. в Киеве при раскопках в усадьбах Десятинной церкви. Одни из них служили для приготовления изделий из мрамора, шифера и других пород камня, иные для обжигания посуды, третьи для выделки эмалевых изразцов, которыми украшалась Десятинная церковь. «Существовали здесь мастерские для выделки предметов из стекла — сосудов и особенно витых браслетов. Особенно многочисленны были мастерские ювелирные, на что указывают во множестве находимые формочки для отливки крестов, серег, колец, браслетов, бус и т. д.»¹

Но не следует забывать, что понятие мастерской еще вовсе не равнозначно производству для сбыта и мастерская не должна быть обязательно ремесленной, хотя мы обычно соединяем ее с этим прилагательным. Вполне возможны и действительно существовали, и в эту эпоху, и впоследствии в крупных хозяйствах — княжеских, монастырских, — мастерские, работающие исключительно для надобностей этого хозяйства, но отнюдь не для посторонних лиц.

Таким образом, для выяснения вопроса о том, какие существовали отрасли промышленности даже в древнейшую эпоху — для времени

¹ Русская история. Под ред. Довнар-Запольского. Т. 1. С. 518.

позже X ст. клады уже отсутствуют, — насколько они были развиты, какие на Руси изготовлялись предметы и каковы были формы производства, необходимо обратиться к писаным источникам и исходить из них; курганные раскопки могут явиться лишь дополнением к ним для наиболее раннего периода.

Наиболее ранней формой промышленности является производство изделий для надобностей собственного хозяйства, для удовлетворения его потребностей. Это может быть мелкое хозяйство, например крестьянское, которое таким путем заботится о нуждах своих членов, используя рабочую силу семьи. Но та же форма мыслима вполне и в области крупного хозяйства, например княжеского и боярского, в пределах которого челядь, позже крестьяне, изготовляют необходимые промышленные изделия: одежду, утварь, оружие. Такую же форму может, наконец, приобретать и работа монахов как на нужды самой братии (одежда, обувь), так и на потребности монастыря, на его постройку и украшение, на богослужебные цели.

Но, конечно, в последнем случае в особенности хозяйство легко выходит при удовлетворении своих потребностей за эти пределы, обращаясь к внешнему миру. Оно пользуется, например, покупными украшениями или предметами богослужения, доставляемыми торговлей, что было уже весьма рано, или изделиями, заказанными у вольных мастеров. С другой стороны, и лица, входящие в состав таких обширных хозяйств, например монастырская братья, могут производить работу и не только для нужд монастыря, но и по заказу мирян. И в том и в другом случае возникает ремесло, но обычно в зачаточной форме, при которой заказчик снабжает мастера, выполняющего работы, нужным ему сырьем. Последний, следовательно, лишь присоединяет собственный труд, и притом по указанию потребителя, который, таким образом, по-прежнему руководит самим процессом производства.

Это ремесло в своей первоначальной форме может выполняться либо на дому у самого мастера, либо в помещении заказчика, потребителя. В первом случае все сводится нередко к тому, что, например, мельник или кузнец предоставляет потребителю пользование своими приспособлениями, так что, в сущности, никакого ремесла здесь нет — работу выполняет сам же потребитель. Остается прежняя форма производства для собственных надобностей, но только отчасти в пределах чужого хозяйства, пользуясь принадлежащими ему инструментами. Во втором случае, когда работа совершается на дому у потребителя, производитель втягивается в хозяйство последнего, выполняет указанные ему задания не только из полученного от потребителя сырья, но нередко и при помощи орудий и приспособлений, принадлежащих последнему. Но и в этом случае получается тесная связь между заказчиком-потребителем и мастером, и тут производство еще не вполне выделилось из домашнего хозяйства, частью входит в состав последнего.

Самостоятельным производство становится только тогда, когда изделия вырабатываются из материала, принадлежащего производителю,

когда, следовательно, весь процесс находится в его руках, им направляется, совершается сообразно его собственному пониманию, а не по указанию других лиц. В этом случае получается ремесло в полном смысле этого слова, но значение оно приобретает лишь тогда, когда такое производство для сбыта становится чем-то постоянным, является профессией данного лица, главным источником его заработка. В ранние эпохи хозяйственной жизни мы находим, правда, указания и на существование такого рода работ, производимых из собственного материала, для рынка, но они обычно составляют явление случайное, едва выходящее за пределы домашнего хозяйства. Работы эти совершаются в дополнение к сельскому хозяйству или добывающим промыслам, совершаются в тесной связи с выделкой тех же предметов для собственных потребностей. Сбыт их на сторону имеет место лишь при наличии избытков, не нужных для хозяйства; только такие излишки, составляющие лишь небольшую часть изготовленного, попадают на рынок. При таких условиях говорить о наличности ремесла едва ли еще возможно. Это только первые шаги по направлению к нему, из которых при благоприятных условиях, в особенности при усилении спроса на данного рода изделия со стороны других хозяйств, может постепенно выработаться ремесло в полном смысле слова.

В своем развитом виде ремесло предполагает оседлый, городской характер. Но оседлость устанавливается лишь постепенно; подобно земледелию, скотоводству и прочим промыслам, и ремесло, в особенности в зачаточных своих формах, отличается кочевым характером. Там, где мастер работает по заказу потребителя, он сплошь и рядом переходит из одного места в другое, из одного хозяйства в другое, выполняя каждый раз указываемое ему задание. Возникают отхожие промыслы строительные — каменщиков, плотников, маляров, но и отхожие промыслы бочаров, кузнецов, котельников, даже портных. Это все еще зачатки чисто ремесленной деятельности, ибо они еще находятся в тесной связи с хозяйством потребителя-заказчика, как и не отделились вполне от сельского хозяйства и иных производимых для собственных нужд работ.

В пределах собственного хозяйства производится прежде всего в ранние эпохи одежда из льна и шерсти, составляя главным образом занятие женщин. Это подтверждается и данными, сообщаемыми в наших источниках, — в летописях, в житиях святых и т. д. мы встречаем сборы с населения льном и изделиями из него, платками, полотенцами, скатертями, неводами. По грамоте 1150 г., подать в Торопце выражается в полавочнике (большое полотенце), двух скатертях, трех убрусах и т. д. Монастырские крестьяне прядут полученный ими лен: «а лен дает игумен в села и они прядут, сети и дели неводные наряжают». О Февронии Муромской в житии ее читаем: «Юноша вниде в храмину и узре видение чудно, — седяше бо едина девица и ткаше красна, пред нею же заяц скача». «Княгиня Василиса нача жити в монастыре... тружаяся рукодельем». Но выделкой одежды занимались не только в женских,